

Кузнецов А.Ю.

ПОНЯТИЕ “ИНФОРМАЦИЯ” КАК ПАРАДИГМООБРАЗУЮЩИЙ КОНЦЕПТ

Многие из нас предпочитают жить в мире взаимоисключающих понятий. В то же время другие упорствуют в стремлении осознания окружающего их мира, и рано или поздно некоторые из них преуспевают в своих стремлениях, становясь “первоисточниками” в решении, чаще всего ими же и сформулированных, проблем. Однако некоторые решения вызывают, мягко говоря, сомнения в академической адекватности тех дорог, которыми они достигнуты. И сомнения эти относятся, прежде всего, к концептуальному словарю ангажирующих себя в качестве последнего оплота независимости и свободы теорий. Интересно, что основные понятия политического профанирования стали совсем недавно и основными концептами многочисленных философских попури.

Немало участников академического сообщества с сомнением относятся к такого рода понятиям, чаще всего называемых метафизическими. Однако, несмотря на всю уязвимость понятий подобного рода, наука, в том числе и строгая, невозможна. В силу этого любая область знания стремится как к компаративному анализу понятий, так и к созданию инструментария для уточнения собственных понятий. Особенно *актуальным и проблемным* сегодня это становится для социологических теорий.

В последнее время особое внимание социальными философами уделяется вопросам характера современного общества; тенденциям, которые доминируют в обществе, и претензиям, которые скрываются за этим доминированием; соперничества историцистских и антиисторицистских методологов. В то же время можно выделить ряд ключевых понятий, без которых сегодня не обходится ни одна академическая работа по социальной философии – глобализация, интертекстуальность, дискурсивность. Пусть неявно, пусть в качестве опосредованных методологических предпосылок – контексты данных понятий сопровождают все социологические тексты. Наряду с этим, на наш взгляд, возможно выделение такого концепта в ряду вышеупомянутых ключевых понятий, который является парадигмообразующим. Для нас таким понятием является информация, а *основной целью* данной статьи является дескриптивный анализ как рассматриваемого концепта, так и теорий, в рамках которых данный концепт является конституирующим.

Массив научной литературы, прямо или косвенно затрагивающий проблемы информации, информационного общества, информационных технологий сопоставим разве что с тематикой, касающейся постмодернистской направленности. В контексте этого вполне уместен вопрос – не является ли постмодернизм как методология следствием более ранних методологических претензий, выраженных в социологических теориях Белла и Бжезинского, Тоффлера, Дракера и Масуды? [1].

Анализ работ современных авторов, занимающихся исследованием социальных и технологических перемен, достаточно убедительно показывает, что даже в названиях работ концепт “информация” является величиной постоянной [2]. В последнее время переводы на русский язык трудов, прежде всего англоязычных авторов, становятся постоянной практикой и предметом тщательного рассмотрения постсоветскими философами и социологами [3].

Понятие “информация” сегодня является носителем таких смысловых разночтений, что относительно этих смыслов в качестве первичного предпочтительным можно

назвать какую-либо разновидность деконструкции. Деконструкции в том смысле, как ее понимал Ж. Деррида в работе “О грамматологии” [4, С.511], а именно как “сборка-разборка” рассматриваемых текстов [4, с. 9]. В работе “Письмо японскому другу” [5, с. 53-57] Деррида предлагает отталкиваться от негаций вводимого понятия, которых следовало бы избежать. Посредством данного приема он не считает деконструкцию ни анализом, ни синтезом. “Это не анализ в особенности потому, что демонтаж какой-то структуры не является регрессией к простому элементу, некоему неразложимому истоку. Эти ценности, равно как и анализ, сами суть некие философемы, подлежащие деконструкции. Это также и не критика, в общепринятом или же кантовском смысле. Инстанция *Krinein* или *Krisis*’а (решения, выбора, суждения, распознавания) сама есть, как, впрочем, и весь аппарат трансцендентальной критики, одна из существенных “тем”, или “объектов” деконструкции” [5, с. 55].

Через негации Деррида определяется и с субординацией пары метод – деконструкция. “Деконструкция не является каким-то методом и не может быть трансформирована в метод. Особенно тогда, когда в этом слове подчеркивается процедурное или техническое значение” [5, С.55]. Далее автор отмечает, что определенные академические круги соблазнились метафоричной близостью понятий “деконструкция” и “методология”, из чего и берет свое начало дискуссия о том, может ли быть деконструкция методологией чтения и интерпретации?

Говоря далее об эвристичности понятия “деконструкция”, Деррида достаточно скромно констатирует: “Оно, конечно, оказало некоторые услуги в некоей строго определенной ситуации. Чтобы узнать, что заставило включить данное слово в цепочку возможных субститутов, несмотря на его существенное несовершенство, следовало бы проанализировать и деконструировать такую “строго определенную ситуацию”” [5, с. 57]. Несколько ниже мы проговорим одну из таких ситуаций, поименованную как “информационное общество”.

Вместе с тем, апологеты деконструкции как метода не слишком прислушиваются к аргументационным рядам отца-основателя. Так, в американском литературоведении существует влиятельное направление, именующее себя не иначе как деконструкция. В качестве одной из стратегий, рассмотренных в чрезвычайно критической рецензии на книгу Джонатана Куллера [6, с. 58-69], одного из плодотворнейших апологетов Деррида, деконструкционное литературоведение пользуется методом оборачивания традиционных для критикуемого логоцентризма бинарных оппозиций, целью которого является ревизия системы ценностей, сложившейся в классической оппозиции.

В то же время, в ряду сосуществующих в современном хронотопе философского знания парадигмах уже невозможно проигнорировать категориальные ряды, внедренные в парадигмальные концептуальные каркасы. Однако при всем желании быть добросовестным относительно смыслов вводимых неологизмов, остается чувство незащищенности против алогоцентричных претензий, ибо эти претензии, ранее существовавшие в эпистемологических полях самого логоцентризма, в настоящее время декларируются в качестве гробовщиков этого самого логоцентризма. Поэтому, прежде всего из чувства солидарности, приведу разрушительную, на мой взгляд, цитату относительно претензий, в частности, деконструкционного литературоведения, на духовное доминирование: “У деконструктивистской философии есть и более грубые источники привлекательности. Видимо, некоторым людям, профессионально занимающимся беллетристическими текстами, приходится по вкусу, когда им говорят, что на самом деле вообще все тексты беллетристичны и утверждения, что

беллетристика существенно отличается от науки и философии, можно деконструировать как логоцентрический предрассудок; и уж, наверное, они чувствуют себя приятно возбужденными, когда слышат, что то, что мы называем “действительностью”, – это еще один текст. Кроме того, жизнь таких людей становится гораздо легче, чем им представлялось раньше, потому что теперь им не нужно больше заботиться об авторских намерениях, о дистинкции между метафорическим и буквальным в тексте или о дистинкции между текстами и миром, потому что все на свете – не более чем свободная игра знаков. Верх этого “чувства усвоения”, сообщаемого деконструкцией – и, я полагаю, его *reductio ad absurdum* – заключается в утверждении Джеффри Хартмана, что главнейшая творческая миссия перешла теперь от писателя-художника к критику-литературоведу” [6, с. 68-69].

Но даже претензии критики могут быть диверсифицированы и классифицированы, как это продемонстрировал один из “пророков” нового прагматизма [7]. Сам “пророк” считает, что критика бинарна, как и все ключевые оппозиции, однако в данном случае бинарность носит почему-то абсолютно аксиологическое измерение. Критика либо “плохая”, либо “хорошая”. Совсем плохой сорт критики – это препарация выводов автора, избранного объектом критики, и защита существующего положения дел от возможного влияния этих выводов. Грубо говоря, это защита догм догматиками же. Более продвинутый вид критики – критика собственных оснований критикуемого автора, с акцентированным вниманием на семантических, гносеологических или методологических двусмысленностях и противоречиях.

Высший же сорт критики, по мнению Рорти, характеризуется нейтральностью критика по отношению частностей критикуемого текста или личности автора. Он видит себя последней инстанцией, снимающей все известные тексты, в том числе и критикуемый. И, в конечном счете, считает себя единственным автором, целью которого является создание единственного же текста, ассимилировавшего в себя предшествующие как само собой разумеющееся.

Трудно не согласиться с построенной Рорти классификацией, хотя, на наш взгляд, здесь речь идет скорее о компетенции и научной чистоплотности критиков, чем о каких-либо естественных основаниях классификации. Так, не претендуя на включение в классификацию, можно предложить для рассмотрения клакерский тип критики, в определенных случаях снимающий первые два типа классификации.

Скрытым же видом критики можно считать любой тип генезиса той или иной теории, в том числе и социологической. В этом типе в качестве оснований генезиса могут учитываться бинарности в их абсолютном противопоставлении (дихотомия материализм – идеализм). Поэтому этап выбора оснований генезиса может быть исследован и исследуется различными методологическими направлениями. Трансцендентальным здесь является то, что новое знание эмерджентно, и в то же время скрыто, возникает хотя и вне логической дискурсивности, но детерминировано, в случае теории, концептуальным аппаратом данной теории.

Концепты же, под разными общими наименованиями, со времен античности являлись предметом рассмотрения философов и теологов. Так, в учении Платона концептом концептов являлось Благо. Милетская школа, элеаты, Аристотель, Плотин, Эриугена и Ансельм, Фома и Гегель – каждый из них отдал дань поискам универсального понятия.

Одно из нечасто упоминаемых значений латинского глагола *concipere* – зачинать, беременеть. По нашему мнению, заявленный в начале статьи концепт “информация”

обладает всеми признаками, характеризующими его как “состояние беременности”. В данной статье не ставилось в качестве задачи рассмотрение всех коннотаций концепта “информация”, но одно то, что в поименованности теорий, претендующих на глобальную методологичность и социологическую универсальность (как то: информационная эпоха, общество информации, информосфера), неизбежны реверансы в сторону данного концепта, говорит о необходимости различения смыслов и подтекстов, имплицитно содержащихся в поле концепта.

Мы знаем, что “информация” производная от лат. *Informatio* – разъяснение, сведение, сообщение. В силу же того, что данное понятие относится к исходным, фундаментальным и предельным по уровню общности, его дефиниции, как правило, определяются жанровыми рамками и архитектурной концептуальными каркасов. В основе же всех мизансцен, включающих в себя понимание информации, лежит сделанное в 1928 году Р. Хартли умозаключение, что информация может быть оценена количественными характеристиками. Однако Хартли не был пионером в постановке задачи, ибо еще в 1921 году Р. Фишером достаточно точно были определены общие способы измерения количества информации. Ситуативным же денотатом явилось развитие в начале 20-го столетия многообразных средств связи – от телефона до радио, основной задачей которых в то время была передача сообщений, то бишь информации. Возникающие в ходе передачи информации проблемы – помехи, кодирование, надежность и т.д. – естественным образом породили теоретический раздел в рамках передачи и хранения информации – теорию информации, одним из которых был вопрос о возможности измерения количества информации. Вопрос о том, как возможно “поверить” математикой содержание сообщений решился естественно просто. Когда в курсе лекций по философии сопоставляются наука как форма общественного сознания и ее предметные области, как правило философы утверждают, что самая бедная по содержанию наука – математика.

В рассматриваемом нами случае Хартли поступил в соответствии с данными тезисами. Так, он предположил, что при любом выборе генерируется определенное количество информации, которая характеризуется тем, что выбор сделан, и элемент этого выбора известен. Чем больше элементов, из которых надо выбрать, тем больше мощность множества. Отсутствие информации характерно для множеств, состоящих из одного элемента. Выбор из двух элементов дает минимальное количество информации, т.е. есть существует неопределенность выбора, но она минимальна. Таким образом, анализируемые сообщения освобождаются от их качественного различия – смысловых особенностей. В то же время остается универсальное измерение информационной оценки события – множество других событий и такое же множество сообщений о них.

Апостериори: какой сезон года вы предпочитаете? какое колесо телеги не выдержит качества российских дорог? – и в первом, и во втором ответе на поставленные вопросы, если отвлечься от их качественного содержания, будет одинаковое количество информации, так как каждый из них выделяет одно из четырех возможных состояний объекта и, следовательно, снимает одну и ту же неопределенность сообщения.

Из вышеизложенного выводится первое требование теории информации, декларируемое в большинстве учебников по информатике: информация есть монотонная функция от мощности исходного множества [8].

Завершенный вид теории информации придал в 1948 году американский инженер Клод Шеннон. Говоря о развитии теории советскими исследователями – Колмогоровым А. Н., Харкевичем А.А., Стратановичем Р.Л. – в последнее время муссируется некоторая интрига, связанная с якобы полученными в результате рассекречивания немецких

архивов данными, по которым аналогично работе Шеннона, в 1938 году А.Н. Колмогоров пришел к тем же результатам, но в силу секретного характера разработок они не были опубликованы.

Если говорить о принципиальном различии в подходах Хартли и Шеннона к построению теорий информации, то оно сводится к различению непараметрических и параметрических методов в статистике. И если у Хартли основным требованием, накладываемым на многообразие элементов исходного множества, является только одно – должна существовать возможность отличия элементов множества друг от друга, то у Шеннона используемая статистика учитывает случайные события нормальным образом, что ведет к следующему – мера одной из теорий асимптотически переходит в меру другой при условии, что вероятности всех событий равны.

В дальнейшем, в 50-е годы двадцатого столетия, Р. Эшби сформулировал концепцию разнообразия, в которой заключил, что теория информации изучает процессы передачи разнообразия, причем информация не может передаваться в большем количестве, чем это позволяет количество разнообразия.

Вместе с тем следует отметить, что предикатирование информации только через количественные характеристики и методы математической статистики не дает право социологам, предлагающим рассматривать современное общество как информационное, говорить о качественном изменении общества. Отдавая должное эвристичности понятия “информационное общество”, нельзя не видеть, что это понятие не содержит в себе академической точности. В то же время, при лавинообразном росте количества информации, многие исследователи отмечают опасные тенденции в манипулировании “бескачественностью” информации, что иногда имеет глубокие социальные и идеологические подтексты. “Информация имеет привкус безопасной нейтральности; и очень просто и полезно нагромождать горы бесспорных фактов. Такое невинное прикрытие – великолепная стартовая позиция для политических замыслов технократов, которые не хотят открывать, насколько это возможно, свои истинные цели. В конце концов, что можно возразить против информации?” [9]. Естественным образом возникает проблемное поле, в рамках которого делаются попытки осмысления качественного потенциала информации. “Бит полностью абстрагируется от содержания информации... и хотя он чрезвычайно полезен инженерам по телефонии... теоретики социальных систем нуждаются в единице измерения, которая бы принимала во внимание значение” [10].

Именно данная проблема становится определяющей в интерпретациях современных постмодернистов вопросов языка (часто в постмодернистской традиции данные проблемы формулируются как проблемы дискурса). Любой объект в подобной трактовке описывается как языковое явление; все создается средствами языка и понимается посредством языка. Отсюда существенность вывода – не мы обладаем информацией, а информация есть мир вокруг нас, и мы живем в мире, созданном не богом или материей, а информацией.

Приняв эстафету по акцентированию проблем информационной сферы у Ролана Барта, Бодрийяр обратил внимание на знаковость современной культуры в смысле наличия – отсутствия значения данных знаков. Впоследствии ученик Бодрийяра, Марк Постер, адаптирует данную идею к наглядным хронотопам функционирования знаков. В качестве первого этапа обмена символов им принят устный этап общения, когда таковое осуществлялось посредством личного общения. Данная форма общения соответствовала тем реалиям, которые легко прослеживались и пользовались одобрением сообщества. Следующий этап – этап письменного общения, на котором знаки репрезентовали их

автора и его концепции. И современный этап, этап электронного обмена сообщениями, на котором знаки являются в определенной степени симулякрами, потерявшими свой репрезентативный характер. Как ни парадоксально, но подобная ситуация для Постера является эвристичной, ибо кризис представительности приводит к освобождению от “тирании правды” [11].

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что понятие “информация” сегодня во многом определяет социальную парадигму посмодернизма, как бы сам посмодернизм не отрекался от “тлетворного влияния” социологических методологов. Но при всей парадигмообразующей эвристичности данного понятия нельзя не отметить, что зачастую выводы, вытекающие из коннотатов данного понятия, не отвечают академическим критериям, предъявляемым к парадигмообразующим концептам.

Литература:

1. Bell D. *The Coming of Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting*, New York: Basic Books. (First published 1973); Brzezinski Z. *Between two ages: America's role in the technetronic era*. N. Y., 1970; Toffler A. *The third wave*. N. Y., 1980; Drucker P. *Post-capitalist society*. N. Y., 1993; Masuda Y. *Information society as post-industrial society*. N. Y., 1982.
2. Angell I., *Winners and Losers in the Information Age*. LSE Magazine, 7 (1) summer : 10-12, 1995; Dutton, William H. (ed.) *Visions and Realities: Information and Communication Technologies*. Oxford: Oxford University Press. 1999; Daff, Alistair S. *Information Society Studies*. Routledge. 2000; Vanderbilt T. *The Sneaker Book: Anatomy of an Industry and an Icon*. New York: New Press. 1998; Webster, Frank. *Theories of the Information Society*. 1st edition. Routledge. 1995; Feather, John. *The Information Society: A study of Continuity and Change*, 2nd edition. Library Association. 1998.
3. Уэбстер Фрэнк. *Теории информационного общества*. Аспент Пресс. М. 2004. – 398 с.; Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*: пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.; Пекка Химанен, Мануэль Кастелс. *Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель*. – М. Логос, 2002. – 224 с.
4. Деррида Ж. *О грамматологии*. Изд-во “Ad Marginem”. М., 2000.
5. Деррида Ж. *Письмо японскому другу*. – Вопросы философии. № 4, 1992.
6. Дж.Р. Серль. *Перевернутое слово*. Рецензия на книгу: Jonatan Culler: *On Deconstruction Theory and Criticism after Structuralism*. Cornell University Press, 307 p. – Вопросы философии, 1992.
7. См. Hall, David L., *Richard Rorty: Poet and Prophet of the New Pragmatism*. Albany, NY: State University of New York Press, 1994.
8. См. напр.: <http://www.distance.ru/4stud/umk/inform/inform08.html>
9. Roszak T. *The Cult of Information: The Folklore of Computers and the True Art of Thinking*. Cambridge: Lutterworth press. 1986.
10. Boulding K. *The Economics of Knowledge and the Knowledge of Economies*. American Economic Review, 56 (2): 1-13, reprinted in Lamberton, Donald M. (ed.) 1971.
11. Poster M. *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context*. Cambridge: p. 14. 1990.